

2. Внешняя политика России XIX и начала XX в. Серия 1 (1801–1815 гг.). Документы Российского министерства иностранных дел / ред. кол.: А.Л. Нарочницкий (отв. ред.) [и др.]. – Т. 3 (январь 1806 – июль 1807 г.) – М., 1963.
3. Донесение из Варшавы Галицкому губернаторству об организации польских легионов, сооружение французами моста через реку Нарву и их продовольственные затруднения и укрепление русскими своих позиций в районе Пулицска и Зегры и т.д. – ЦГИАУЛ (Центральный государственный исторический архив Украины в г. Львове). – Ф. 146. – Оп. 6. – Д. 2. – Док.120.
4. Донесение Самборского окружного старосты Ридесвальда Галицкому губернаторству о переходе помещиками округа границы с Польшей для участия в инсургенции и о причинах этого (патриотическая любовь и желание возродить Польское княжество и т.д.). – ЦГИАУЛ. – Ф. 146. – Оп. 6. – Д. 3. – Док. 663.
5. Информация Галицкого губернаторства Австрийскому императору в Вену о политической ситуации в Варшавском Княжестве. Тайная организация легионов, создание собственной денежной системы с министром финансов осложняют австрийскую политику в отношении Польши. Концентрация русский войск против Турции и дислокация войск на околицах Вильна, Кобрина и т.п. требуют внимания властей. – ЦГИАУЛ. – Ф. 146. – Оп. «Гегайм». – Д. 443/д.
6. Polska w latach 1795–1864: Wybór tekstów źródłowych do nauczania historii. – Warszawa, 1986.
7. Федосова, Е.И. Польский вопрос во внешней политике Первой империи во Франции / Е.И. Федосова. – М., 1980.
8. Gierowski, J. Historia Polski. 1505–1864 / J. Gierowski. – Warszawa, 1978. – Cz. 2.
9. Limanowski, B. Historia demokracji Polskiej w epoce porzobiorowej / B.Limanowski. – Zurich, 1901.
10. Skowronek, J. Antynapoleońskie koncepcje Czartoryskiego / J. Skowronek. – Warszawa, 1969.
11. Skowronek, J. Sprawa Polska / J. Skowronek // Europa i świat w epoce napoleońskiej / Pod red. M. Senkowskiej-Gluk. – Warszawa, 1977. – S. 338–404.
12. Skowronek, J. Z magnackiego gniazda do napoleońskiego wywiadu. Aleksandr Sapiega / J. Skowronek. – Warszawa, 1992.

А.Н. Гребенкин

**«...КОРПУС КАДЕТСКИЙ ЕСТЬ РАССАДНИК ВЕЛИКИХ ЛЮДЕЙ...»:
СИСТЕМА ОТЕЧЕСТВЕННОГО ВОЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ
В КОНЦЕ XVIII – НАЧАЛЕ XIX В.**

1812 год, «великий год России», стал испытанием не только для русского народа и русской армии, но и для выпускников военно-учебных заведений. Бывших кадет – участников Отечественной войны – можно условно разделить на две больших группы. Первая – те, кто окончил курс до 1800 г. Это свидетели «золотого века» корпусов, руководимых генералами-философами, приверженцами идей эпохи Просвещения. Вторая – офицеры новой формации, прошедшие суровую школу при генералах-«секунах».

Кадеты екатерининского времени к 1812 г. находились уже в полковничьих и даже генеральских чинах. Это были энциклопедически образованные, утонченные люди, в совершенстве владевшие несколькими иностранными языками, способные быть (и бывшие!) не только командирами, но и дипломатами, учеными, писателями. Такими они стали благодаря педагогической парадигме И.И. Бецкого, Ф.-Е. Ангальта и П.И. Мелиссино.

Во второй половине XVIII в. Устав Бецкого предусматривал изучение кадетами Сухопутного Шляхетного кадетского корпуса логики, красноречия, физики, истории, географии, мифологии, хронологии, механики, права, государственной экономики, астрономии, гравирования, изваяния статуй, музыки и многих других наук и художеств [9, с. 58].

Кроме «морального» и «художественного» воспитания, существовало и гимнастическое. В конце XVIII в. кадет Сухопутного Шляхетного кадетского корпуса учили вольтижировать, ездить верхом, фехтовать и танцевать [4, л. 88].

Знаменитая «говорящая стена» в саду Сухопутного шляхетного корпуса, свободный доступ к книгам, географическим картам, физическим приборам, просвещенные и гуманные наставники, отсутствие телесных наказаний – все это способствовало формированию самостоятельного мышления, высокому уровню интеллектуального развития кадет, выработке у них понятий о гражданском долге, об обязанностях дворянина перед Отечеством. Из стен корпуса выходили прекрасно образованные, высоконравственные люди, полные благих намерений и горевшие желанием воплотить их в жизнь.

П.И. Мелиссино, занимавший пост директора Артиллерийского и инженерно-го шляхетного корпуса с 1783 г., «в короткое время, по всем частям управления... успел сравнить его с Императорским Шляхетным Кадетским Корпусом, что, по всей справедливости, должно считать заслугою немаловажною, потому что Сухопутный Корпус, в то время, едва ли не был лучшим военно-учебным заведением в целой Европе» [5, с. 70]. Тактика в корпусе преподавалась на немецком и французском языках, артиллерия и фортификация на немецком, естественная история на французском. За успехи в учебе кадеты награждались серебряными позолоченными медалями, дававшими им право бывать без приглашения на собраниях у директора.

Благотворное влияние Мелиссино распространялось и на Гимназию (с 1792 г. – Корпус) чужестранных единоверцев, основанную при Артиллерийском и инженерном шляхетном корпусе в 1775 г. Воспитанники гимназии изучали итальянский, французский, немецкий языки, государственные законы Российской империи, общеобразовательные предметы (историю, географию, геометрию, алгебру, физику, литературу), военные науки и теорию морского дела (артиллерию, фортификацию, кораблестроение, навигацию, устройство корабля и управление им, фехтование и т.п.) [10, с. 99]. Мелиссино придавал большое значение не только умственному, но и нравственному воспитанию гимназистов: «Наиприлежнейшее учение может почестся несовершенным, если нравы останутся неисправными и если при просвещении разума не будет приложено старания о исправлении сердца. Всякое училище, желающее доставить Отечеству граждан полезных, должно их сделать и добродетельными».

Мелиссино для достижения поставленных воспитательных целей рекомендовал педагогам и наставникам-офицерам постоянно проводить «полезное и приятное упражнение воспитанников», считая при этом, что «молодой человек, проводящий время свое в праздности, гораздо менее достоин осуждения, нежели ментор его, который не разумеет обратить его способности к предметам, достойным внимания» [10, с. 100].

Университетский характер носило и образование пажей. В программу Пажежского корпуса с 1785 г. входили следующие предметы: Закон Божий, русский и иностранный языки, латынь, чистописание, рисование, арифметика, этика, геометрия, история, география, законоведение, а также танцы, верховая езда, и (по желанию) музыка. Предусматривалось преподавание ряда дисциплин на иностранных языках – тех, в которых были сильны учащиеся [1, с. 112].

Частное благотворительное учебное заведение в Шклове, открытое на средства генерала С.Г. Зорича в 1778 г., было рассчитано на 250 детей бедных дворян. Воспитанники изучали полный курс наук, в том числе красноречие, теорию стихосложения, военную и гражданскую архитектуру, артиллерию, занимались фехтованием, танцами, верховой ездой и т.д. Усилиями Зорича в училище была собрана отличная библиотека. Она насчитывала 178 русских, 743 французских, 70 немецких, 12 польских и 27 латинских книг. При подготовке к занятиям использовались такие издания, как «Французские и немецкие разговоры» Крамме-

ра, «Риторика» М.В. Ломоносова, «Геометрия» Г.В. Крафта, «Сферическая тригонометрия» Э. Безу, «Физика» П. Мушенбрука, «Инженерное искусство» Белидора, «Фортификация» С. Вобана и «Гражданская архитектура» А. Палладио [2, с. 62].

Выпускники могли идти как на гражданскую, так и на военную службу. С 1785 г. прямо по выпуску многие из них производились в офицеры. В ноябре 1799 года Шкловское благородное училище было названо кадетским корпусом и переведено вскоре в Гродно [6, с. 33–34].

Безусловно, принципы энциклопедизма и гуманизма, на которых зиждлась система отечественного военного воспитания в последней трети XVIII в., нельзя не признать правильными и полезными. Однако к суровым условиям военной службы питомцы Ангальта и Мелиссино не были приспособлены. По словам выпускника Сухопутного шляхетного корпуса Ф.Н. Глинки, «метода Ангальта превращала корпус в какую-то нравственную оранжерею. Отделенные своею стеною от мира гражданского, питомцы науки и теории оставались за этою стеною безвыходно около двух десятилетий... Эти молодые растения слишком разнеживались в их искусственном климате и становились малоспособными к перенесению стужи внешнего быта общества, в которое должны же были, наконец, вступить после долговременного затворничества...».

Нарекания вызывала и чрезмерная «энциклопедичность» учебных курсов. По словам С.Р. Воронцова, «стремление быть универсальным и знать все приводит к тому, что не знают ничего... Офицеры, выходившие из нашего старого кадетского корпуса (50-х гг. XVIII в. – А.Г.), были хорошие военные и только, воспитанные же Бецким, играли комедии, писали стихи, знали, словом, все, кроме того, что должен знать офицер».

Перелом в правительственной политике в отношении системы военного образования, во многом определивший новый облик военных учебных заведений, произошел при Павле I и в первые годы правления Александра I. Решено было сократить учебные программы, изгнав «отвлеченные» дисциплины и оставив лишь практические, а также ужесточить режим.

В 1800 г. Императорский Сухопутный шляхетный кадетский корпус был переименован в Первый кадетский. Тем самым было продекларировано его превращение из «Рыцарской академии» в узкопрофильное училище, готовившее офицеров для войск.

От идеального офицера, по мнению нового директора корпуса, Ф.И. Клингера, требовались владение иностранными языками, некоторые начальные знания, отличная строевая выправка и безукоризненная дисциплина.

Широкая образованность для офицера была нежелательным качеством не только в глазах Клингера, но и в глазах самого императора Александра I. Занятия науками сменились строевыми упражнениями, а телесные наказания стали явлением обыкновенным. Клингер, известный немецкий писатель, знавший по-русски лишь фразу «На турма его», любил приговаривать: «Русских надо менее учить, а более бить».

Второй кадетский корпус (бывший Артиллерийский и инженерный) был перестроен по образу и подобию Первого. На этот раз была скопирована репрессивная система. Директором был назначен А.А. Клейнмихель – мрачный, наводивший ужас на кадет великан.

В 1807 г. при Втором кадетском корпусе было основано новое учебное заведение – Дворянский полк. В первые годы своего существования в нем легче всего было получить чин армейского прапорщика, ибо умственное образование сводилось к обучению русской грамоте и четырем правилам арифметики; большую часть времени дворяне занимались строевой подготовкой. Контингент воспитанников изначально

был откровенно слаб. Прием в Дворянский полк не был ограничен комплектом; принимали в него без экзаменов. На кадетском жаргоне питомцев полка именовали «тюками» – из дальних губерний они прибывали пешком, с котомкой за спиной.

В начале XIX в., когда изменился статус Пажеского корпуса (он был причислен к военным учебным заведениям), изменилась и программа, однако далеко не в лучшую сторону. Образование пажей было поверхностным, преподавание наук велось отрывочно и вообще слабо.

Кадеты александровского времени, почти не читавшие книг, зато слишком хорошо знакомые с розгами, сильно отличались от своих отцов и старших братьев – кадет «золотого века». Далекое от возвышенных идей, они покорно тянули нелегкую свою ляжку и не впадали в отчаяние после знакомства с житейской грязью. Уже на школьной скамье они познавали суровую армейскую жизнь, к которой были предназначены. Грубость и строгость начальства, суровые бытовые условия закаляли кадет. Слабые и изнеженные не выдерживали и уходили, зато оставшиеся были готовы к любым испытаниям. Они стояли ближе к солдатам, лучше понимали их и пользовались в их глазах авторитетом.

Вклад бывших кадет в победу над Наполеоном неоченим. Выпускники кадетских корпусов накануне 1812 г. составляли 68,8% офицерского состава артиллерийских бригад и 20% офицеров пионерных полков. В основном это были бывшие питомцы Второго кадетского корпуса [7, с. 11]. Воспитателем этого же заведения был сам М.И. Кутузов. Среди генералов 1812 г. было 15 выпускников Сухопутного шляхетного – Первого кадетского корпуса, 18 выпускников Артиллерийского инженерного – Второго кадетского корпуса, 14 питомцев Пажеского корпуса, 3 выпускника Корпуса чужестранных единоверцев, 1 выпускник Морского корпуса и еще 1 – Гродненского кадетского корпуса. Дворянский полк в 1807-1811 гг. дал России 2665 прапорщиков, а в 1812 г., сделал 17 (! – А.Г.) выпусков, отправил в действующую армию 1139 офицеров [8, с. 164–165]. Ф.Н. Глинка, прибыв в армию в июле 1812 г. и объехав несколько полков, везде находил своих товарищей по Сухопутному шляхетному корпусу. И утонченные питомцы Ангальта и Мелиссино, и полуграмотные бурбонистые «тюки» с боями прошли от Немана до Москвы, а затем гнали и били французов до самого Парижа.

1. Аурова, Н.Н. Система преподавания в военно-учебных заведениях в XVIII в. / Н.Н. Аурова // Исследования по истории России XVI-XVIII вв. – М., 2000. – С. 105–114.
2. Бригадин, П.И. Военная школа в Беларуси, XVIII – 1-я четверть XIX в. / П.И. Бригадин, А.М. Лукашевич. – Мн.: Изд. центр БГУ, 2004. – 120 с.
3. Глинка, Ф.Н. Мои воспоминания о графе Михаиле Андреевиче Милорадовиче / Ф.Н. Глинка // Москвитянин. – 1841. – Ч. 2. – № 4. – С. 372–384.
4. Мемуары генерал-адъютанта графа Е.Ф. Комаровского (1787–1833) // Государственный архив Орловской области (ГАОО). – Фонд 1001. – Оп. 1. – Д. 1.
5. Глебов, П.Н. Военно-учебные заведения, подведомственные Его Императорскому Высочеству Главному начальнику, в царствование императрицы Екатерины II / П.Н. Глебов // Отечественные записки. – 1845. – Т. 42. – № 10. – С. 60–78.
6. Комаровский, Е.А. К истории российских императорских кадетских корпусов / Е.А. Комаровский, Е.П. Комаровская // Российская цивилизация: история и современность: межвузовский сборник научных трудов. – Выпуск 14. – Воронеж: ГОУ ВГПУ, 2002. – С. 32–56.
7. Крылов, В.М. Воспитанники кадетских корпусов в войне с Наполеоном 1812–1814 гг. / В.М. Крылов // Эпоха наполеоновских войн: люди, события, идеи: материалы научной конференции, 29 апреля 1999 г. – М.; Пятигорск, 1999. – С. 10–15.
8. Крылов, В.М. Воспитанники Дворянского полка на службе Отечеству / В.М. Крылов, Ю.Н. Гуляев // События Отечественной войны 1812 г. на территории Калужской губернии. Проблемы изучения. Источники. Памятники. – Малоярославец, 1995. – С. 164–170.
9. Лалаев, М.С. Исторический очерк военно-учебных заведений, подведомственных Главному их управлению / М.С. Лалаев. – Ч. I. – СПб., 1880. – 140 с.
10. Пряхин, Ю.Д. История корпуса чужестранных единоверцев: эпизод балканской политики Екатерины II / Ю.Д. Пряхин // Клио. – 1999. – № 1(7). – С. 98–103.